
НОВЕЛЛА Ф. ИСКАНДЕРА «ПИРЫ ВАЛТАСАРА» В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

МАРИАННА МКРТЧЯН

Роман Ф.Искандера «Сандро из Чегема» по своей структуре является циклом новелл, которые могут рассматриваться и самостоятельно. Некоторые из них («Колчерукий», «Дерево детства», «Утраты» и др.) выходили отдельно в разных изданиях и лишь впоследствии становились частями книги. Но совершенно особая судьба была у 8-ой главы первой части книги – «Пирь Валтасара». В отличие от других, вышедших самостоятельно прежде самой книги, эта глава не только не печаталась до выхода в свет произведения, но и была изъята советской цензурой из первого издания романа (1973 г.). Обусловлено это было тем, что она была единственной, где фигура Сталина вставала в полный рост, в то время как в остальных частях романа были лишь упоминания о «большеусом», «вожде», «отце всех народов» и т.п., которые тоже были изъяты. Однако эта часть произведения была не только его неотъемлемой составляющей, но во многом едва ли не ключевой для понимания того смыслового поля, в котором существовали все остальные. «Живым сердцем» книги Искандера назвала эту новеллу издательница Эллендея Проффер, впервые осуществившая в 1979 году в мичиганском издательстве «Ардис» публикацию полной версии произведения Искандера. В советском же издании новелла вернулась на свое законное место только в 1989 году и позже уже печаталась как отдельно, так и в составе сборников. К примеру, в 2011 году в книжной серии «Вещественные доказательства», изданной «Новой газетой» и приуроченной к 75-летию Большого террора, вышла книга, в составе которой два произведения – «Пирь Валтасара» и «Кролики и удавы». Самостоятельность новелла обрела и в кинематографической версии. В 1989 году режиссером Юрием Карой по ней был снят фильм «Пирь Валтасара, или Ночь со Сталиным». Как самостоятельное произведение «Пирь Валтасара» будут рассмотрены и в данной статье.

Французский литературовед Ж.Женетт в одной из своих книг, посвященных проблеме интертекстуальных связей, задал правомерный вопрос: «Как бы мы прочитали «Улисса» Джойса, не называясь он «Улисс»?»¹ Аналогичный вопрос может быть поставлен и в связи с про-

¹ Gerar Genette. Paratexts: Thresholds of interpretation. – Cambridge University Press, 1997, p. 2.

чением новеллы Искандера «Пир Валтасара», название которой отсылает читателя к 5-ой главе библейской Книги пророка Даниила. Можно с уверенностью утверждать, что не будь у новеллы такого названия, осмысление произведения никогда не привело бы нас к изложенным ниже интерпретациям.

Заглавие здесь выступает в качестве цитаты, которой задан смысловой вектор читательского восприятия произведения еще до знакомства с его текстом. В процессе же постижения текста заложенная в нем установка остается в сознании читателя активной и стимулирует дальнейший поиск аналогий. Как отмечает Н. Пьеге-Гро, при использовании интертекста «читателю приходится самому не только обнаруживать наличие интертекста, но и интерпретировать его эффекты», потому что «особенность интертекста в том, что он задает определенный режим чтения, требующий от читателя активного участия в выработке смысла»².

Для начала рассмотрим, в каких именно точках пересекаются оба текста – новелла Искандера и 5-ая глава книги пророка Даниила.

В новелле можно выделить три основные доминанты: 1. *властитель*, 2. *вельможи*, 3. *застолье (пир)*. Они же задаются первым предложением 5-ой главы книги пророка Даниила: «Валтасар царь (1) сделал большое пиршество (3) для тысячи вельмож своих (2) и перед глазами тысячи пил вино» (Дан. 5:1). Что бы мы ни рассматривали, центральной остается тема пира, причем, пира нечестивого, так как вино Валтасар повелел пить из священных сосудов и при этом славить языческих богов, «золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных» (Дан. 5:4). С одной стороны, кажется, что эта божественная иерархия не может иметь никакого отношения к новелле, но это не так, потому что место богов в ней заступают так называемые «вожди». Их «божественность» в новелле задана через одного из них – сидящего во главе стола Нестора Лакобу, председателя Совнаркома и ЦИК Абхазии, за которого Сталин и поднимает свой тост (ср. «славил богов»). В одном месте новеллы «святоотечеством» названо дерзкое предположение одного из «руководящих товарищей» о возможности оказаться на месте самого Лакобы. В другом, в диалоге Сандро и его жены у кровати больной дочери, Сандро произносит «с пророческой уверенностью»: «Клянусь Нестором, девочка выздоровеет!» А потом за собой слышит слова: «Именем Нестора не всякому разрешают клясться» (имплицитно заложена параллель с клятвой именем Бога). С учетом этих эпизодов тост за Лакобу в контексте прославления богов на пиру Валтасара начинает звучать по-новому. Иерархичность богов спускается на уровень иерархичности земной власти – за столом сидят Сталин, Берия, Калинин, Ворошилов, Лакоба и «второстепенные вожди». Во второй главе книги пророка Даниила, в сне Навуходоносора о «колосе на

² Н. Пьеге-Гро. Введение в теорию интертекстуальности. – М., ЛКИ, 2008, с. 45.

глиняных ногах» в состав истукана входят те же металлы: «У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные» (Дан. 2:32-33). В толковании сна Навуходоносора Даниилом ими обозначена мера власти каждого из государств, символизируемых частями истукана. Но уже в самом библейском сюжете характер единоличной власти прочно увязывается с дальнейшей судьбой государства. Власть Навуходоносора охарактеризована Даниилом следующим образом: «Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. Ты – это золотая голова» (Дан. 2:37-38).

Правитель – символ государства. Его судьба – судьба государства. Тема судьбы правителя переключается в русло судьбы государства, оказывающегося недолговечным: «Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них» (Дан. 2:34-35). Интересно вспомнить о том, что на Западе с первоначальной подачи Дени Дидро Россия неоднократно воспринималась как «колосс на глиняных ногах». Такой взгляд на Россию был популярен в XVIII–XIX веках. Так же высказывались и о Советском Союзе. Не случайно тема всплывает вновь в связи с распадом СССР. На сайте информационного мультипортала KM.RU в статье «Развал СССР: преступление без срока давности» можно встретить упоминание подобных аналогий. Истинность их, правда, в ней опровергается, поэтому ей предпослан подзаголовок: «Нелепый тезис о Советском Союзе как «колоссе на глиняных ногах» не выдерживает критики и опровергается многими факторами»³, но в нашем случае решение этого вопроса не имеет для нас принципиального значения. Важно лишь то, что, закладывая в тексте параллели с книгой пророка Даниила, Искандер, возможно, держал эту аналогию в уме.

Даниил, толкуя сон, золотой головой истукана определил самого Навуходоносора. И здесь мы выходим на новый уровень текста.

Как уже было отмечено выше, описанию пира Валтасара посвящена 5-ая глава книги пророка Даниила, состоящей из 12-ти глав. Соответственно, оба текста, между которыми через заглавие устанавливаются интертекстуальные связи, являются частями целого. Поэтому закономерно предположить, что и аллюзии могут выходить за пределы обозначенного в названии – от части (5-ая глава) к целому (Книга пророка Даниила).

³ <http://www.km.ru/front-projects/belovezhskoe-soglashenie/eponomareva-sssr-ne-byt-mert-vorozhdennoi-konstruktsiei>

По своему содержанию, особенно в первой ее части, эта книга является сплошной цепью репрессий и угроз. Не смогли Халдеи угадать и раскрыть значение сна Навуходоносора, «рассвирепел царь и сильно разгневался на это и приказал истребить всех мудрецов Вавилонских» (Дан. 2:12); не хотели поклониться золотому истукану, сделанному Навуходоносором, он угрожает бросить «в печь, раскаленную огнем» и так и поступает с тремя «мужами», отказавшимися повиноваться, а убедившись в силе их Бога, приказывает повиноваться ему, на этот раз угрожая расправой тем, кто «произнесет хулу на Него». Так как в сознании читателя личность Сталина неотделима от санкционированных им массовых репрессий, сопряженных с насилием и убийством, данные детали книги пророка Даниила сразу наводят на мысли о Сталине даже безотносительно к особенностям авторской подачи образа Сталина в тексте. Эта тема, заданная заглавием, имплицитно пронизывает в дальнейшем весь текст «Пиров Валтасара» на разных уровнях. Вспомним, например, как мастерски обыграно в довольно безобидном контексте фраза «народ сажал», и многое другое.

Через 2-ую главу книги пророка Даниила Сталин смыкается с Навуходоносором как «золотая голова» советского «колосса на глиняных ногах», который, однако, в восприятии простого народа видится на редкость устойчивым. Ср. диалог танцоров:

– Вообще вожди маленького роста – Сталин, Ворошилов, Берия, Лакоба...

– Интересно почему?

– Ленин был маленький – так и пошло...

– Маленькие, они вообще более устойчивые...⁴

Вопреки названию новеллы, образ Сталина и методы его правления больше соотносимы с Навуходоносором, а не с Валтасаром. Не о Валтасаре, а о его отце говорится: «кого хотел, он убивал, и кого хотел, оставлял в живых; кого хотел, возвышал, и кого хотел, унижал» (Дан. 5:19). «У пророков (Исаия, 14; Даниил, 4) он — олицетворение доходящего до самообожания самомнения, бич Божий, “полагающий вселенную всю пусту”»⁵. По твердой убежденности пророка Даниила, на этот путь встал и Валтасар. Используя на пиру священные сосуды Иерусалимского храма, захваченные вавилонянами, он тем самым «вознесся против Господа небес» (Дан. 5:23). Валтасар выступает в книге пророка Даниила как сын правителя. Нет единого мнения о том, являлся ли Валтасар сыном Навуходоносора или же он был его внуком. По некоторым версиям, Валтасар был сыном Навуходоносора, которого последний царь Нововавилонского царства Набонид якобы усыновил, женившись на вдове Навуходоносора. При этом

⁴ Искандер Ф. А. Сандро из Чегема. М., Эксмо, 2014, с. 141. Далее в тексте страницы указанного издания.

⁵ Тураев Б.А. Навуходоносор. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., т. 20, 1897, с. 419.

он сделал Валтасара своим соправителем. По любой версии Валтасар выступает в качестве преемника власти, что в данном случае важнее вопроса о степени родства. Родственная связь становится лишь символическим продолжением деяний. Земная власть в его лице вновь возвышается над божественной. И символом этого является сцена нечестивого пира, устроенного Валтасаром, к которому пиршество во главе со Сталиным в новелле Искандера имеет уже непосредственное отношение.

Мотив пира в литературе восходит к древнейшим ритуалам, получившим в дальнейшем закрепление в греческой и римской античных традициях. Обе разновидности, греческий пир-симпосий и римский пир эпохи империи, имели свои особенности, но при переходе в литературу, особенно более поздних эпох, все чаще намечался их синтез. В литературе Средневековья также имеют место аллюзии на пиры, описанные в Библии, которые, в свою очередь, тоже связаны с более ранней традицией. Соответственно, в ней уже намечается синтез античных и библейских элементов пира. Тенденция подобного синтеза сохраняется и в литературе более поздних эпох, вплоть до нашего времени. По мнению Е.В.Карабеговой, «в советской литературе послевоенного периода мифологема пира, в которой синтезируются античные и средневековые мотивы»⁶ воплотилась наиболее интересно именно в «Пирах Валтасара». О семантике этой мифологемы исследовательница отмечает, что она «раскрывается в своем прямом значении – нарушивший законы гостеприимства и самого пиршественного ритуала Валтасар-Сталин получает грозное знамение своей грядущей смерти»⁷. Однако этим значение аллюзии, заложенной в названии новеллы, не исчерпывается. Действительно, центральное событие пира Валтасара в Библии – появление открывшейся взору Валтасара надписи на стене и ее истолкование Даниилом: «Вот и значение слов: Мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5: 26-28). Именно через нее встает уже не только вопрос личности и власти, но тема наказания за содеянное. В самом конце искандеровской новеллы читаем: «Сам факт, что он умер своей смертью, если, конечно, он умер своей смертью, меня лично наталкивает на религиозную мысль, что бог затребовал папку с его делами к себе, чтобы самому судить его высшим судом и самому казнить его высшей казнью» (163). Эта переключка с библейским текстом акцентирует тему вины, которая лежит на Сталине за содеянные преступления, и выводит идею возмездия на передний план. За преступления придется ответить, если не перед людьми, то перед Богом.

⁶ Карабегова Е.В. Мифологема пира в советской литературе второй половины XX века («Пир Валтасара» Ф.Искандера и «Свидание с Бонапартом» Б.Окуджавы) // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века: Материалы международной научной конференции. – Ер., изд. ЕГУ, 2011, с. 224.

⁷ Там же, с. 228.

Поэтому совершенно справедливо и мнение о том, что «в какой-то степени книга Искандера построена по законам биографии, как ее понимал еще Софокл — то есть по законам судьбы — от вины до наказания»⁸. Но и это не все.

Для начала приведем несколько внешних деталей застолья в новелле, которые могут быть соотнесены с элементами древнейшей пиршественной традиции в различных ее вариантах. Их можно выделить несколько.

1. Преобладание значимости вина над пищей. «По ассириовавилонским изображениям пирующих царей пиры состояли из питья, а не из еды: пирующие представляются обыкновенно только пьющими. Теми же самыми чертами описывает пир Валтасара и пророк Даниил»⁹. В «Пирах Валтасара» Искандера столы ломаются от еды, но отношение к ней не регламентировано в отличие от потребления вина: «за столом демократия закусок уравнивалась деспотией выпивки» (142).

2. *Негласно установленные правила в отношении употребления вина.* Это было в духе античного пира, на котором обычно присутствовал симпозиарх, руководитель пира, устанавливавший правила, следование которым для пирующих было обязательным. В новелле эта роль принадлежит Лакобе: «Во главе стола сидел Нестор Лакоба. Большой темный рог со светлой подпалиной лежал рядом с ним как жезл застольной власти» (142).

3. *Регламентация количества выпиваемого вина.* Вспомним хотя бы сцену, в которой Махаз под зорким надзором и почти давлением («Пей, пей, пей...») Сталина выпивает литровый рог вина. На античном пиру фиксировалось количество выпиваемого вина и пропорции его смешивания с водой. Конечно, о смешении высококачественного абхазского вина с водой не могло быть и речи, но в новелле намеком на это может быть другая деталь: «Возле каждой бутылки с вином стояли, как бдительные санитары, бутылочки с боржоми» (142).

4. *Развлечения на пиру.* Античные пиры часто сопровождалась музыкой и пением, на них приглашались певцы, музыканты, танцовщицы, мимы, фокусники. В новелле роль таких приглашенных выполняет ансамбль под руководством Платона Панцулая. Устраивались также игры. Одна из них была известна под названием коттаб – соревнования на меткость, имевшие место на симпозиах в V – IV вв. до н. э. В «Пирах Валтасара» имеет место демонстрирующий меткость руки Лакобы эпизод стрельбы по яйцу, стоящему на голове у повара.

⁸ Вайль П., Генис А. Сталин на чегемском карнавале. // Время и мы. – Израиль, 1979, № 42, с. 150-168. http://apsnyteka.org/540-vail_genis_stalin_na_chegemskom_karnavale.html Эта статья фактически стала откликом на выход в свет полной версии романа Искандера в мичиганском издательстве «Ардис».

⁹ Лопухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. – Стокгольм, Институт перевода Библии, 1987. <http://www.bible.in.ua/under/Lop/34005.htm>

Все эти соответствия внешне сближают пиршество во главе со Сталиным с уходящими в седую старину пирами, но основной смысл пира в новелле может быть раскрыт с учетом еще одной вариации пиршества – карнавальной.

Место карнавальной традиции в творчестве Искандера уже не раз обсуждалось в литературе вопроса. Вспомним и слова самого писателя в части «От автора» в книге «Сандро из Чегема»: «Чегемской жизни противостоит карнавал театрализованной сталинской бюрократии: креслоносцы захватили власть. Фигура самого Сталина, этого зловещего актера, интересовала меня давно, еще тогда, когда я ничего не писал и писать не собирался» (6). Примечательно, что слово «карнавал» употреблено именно применительно к сталинскому режиму с фигурой самого вождя во главе. И речь идет о захвате власти. В контексте рассматриваемой новеллы эта связь и этот акцент приобретают особое звучание.

Карнавал и государственный строй – подобное соотношение характерно не только для Искандера. Сравним, например, утверждение П.Вайля и А.Гениса в статье «Сталин на чегемском карнавале»: «Карнавализованный советский строй сразу стал гротескным. Осознав преимущество обряда возвеличивания шутов, социализм немедленно воспользовался им ("каждая кухарка..."), возложил на себя жестяную корону, но позаботился уничтожить амбивалентность. Увенчать можно, а развенчать...»¹⁰. П.Вайль и А.Генис называют такой карнавал «застывшим советским карнавалом», который «прибрал к рукам карнавал народный и удовлетворенно заметил: "Жить стало лучше, жить стало веселей"»¹¹. Рассматривая Сталина в качестве «бобового короля», авторы пишут, что «образ бобового короля на престоле самой сильной в мире державы проходит логически стройные этапы. Все они оказались во главе этой самой державы случайно, не по личным заслугам: и зловещий убийца Сталин, и "волюнтарист" Хрущев, который был слишком комичен со своей кукурузой и башмаком на трибуне ООН; и, наконец, Леонид Ильич Брежнев, воплотивший в себе всю амбивалентную сущность шутовского короля — он-то несет картофельные медали с полным достоинством и серьезностью»¹².

Что дает для интерпретации текста аналогия с карнавалом и с «шутовским королем»? В рамках карнавала, как известно, в отношении правителя важны два акта – увенчание и развенчание. П.Вайль и А.Генис высказывают сомнение в историческом развенчании Сталина: «Сталин — карнавальный король, который никогда по-настоящему и окончательно не будет развенчан, даже когда последний его подданный свалится с пулей в

¹⁰ Вайль П., Генис А., указ. соч.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

затылке. Даже когда свалится он сам»; «Но пройдет еще немного лет, и всерьез заговорят о возрождении сталинизма, начальники отделов кадров и первых отделов вслух будут орать: "Сталина на вас нету!", бабки завздыхают в очередях: "Был при Усатом порядок!"... Нет, никогда не будет развенчан Сталин — бобовый король карнавала, которому не видно конца»¹³. Новелла же Искандера благодаря заложенным в ней аллюзиям актуализирует именно идею развенчания Сталина.

«Бобовый король» как временный правитель в контексте карнаваль-ной традиции находится в ряду сходных персонажей обрядов замещения царя-жреца, описанных Дж.Фрээрером в книге «Золотая ветвь». Суть их заключалась в том, что дряхлеющий царь должен был быть предан смерти для перенесения заключенного в нем духа растительности в тело более сильного и молодого преемника. В противном случае народ ожидали бедствия и несчастья. Реальные правители искали возможности избежать гибели. Отсюда шла традиция замещения настоящего царя временным, который, символически выполняя обязанности царя, символически же или на самом деле предавался вместо него казни. «Первоначально таким правителем выбирали ни в чем не повинного человека, возможно даже члена царской семьи; однако с распространением цивилизации принесение в жертву невинного человека стало возмущать общественное мнение, и роковая «привилегия» перешла к преступнику, приговоренному к смертной казни»¹⁴. В своей книге Дж.Фрээрер приводит множество подобных примеров. Так, в Вавилоне (Валтасар — вавилонский правитель) «ежегодно справлялся праздник Закеев. <...> Осужденного на смерть преступника обряжали в царские одежды и сажали на трон: ему позволяли отдавать любые распоряжения, есть и пить за царским столом и сожительствовать с наложницами царя. По истечении пяти дней с него срывали пышные одежды, наказывали плетью и вешали или сажали на кол»¹⁵. Казнь была неминуема.

Итак, на время карнавала преступник мог занять место правителя. В «Пирах Валтасара» Сталин фактически и является таким преступником. Во-первых, это убийца-преступник у власти (массовые репрессии). В новелле об этом не говорится прямо, но, как мы видели, намек на это дан через соотнесение Сталина с образом Навуходоносора из книги пророка Даниила. В остальном он работает в тексте на уровне деталей. Например, описание того, как Сталин расправляется с курицей: «Сталин, заметив, что закуска запаздывает, махнул рукой и, решительно, обеими руками взяв курицу за ножки, с наслаждением, как заметил дядя Сандро, разорвал ее на две части. Потом каждую из них разорвал еще раз. Жир стекал по его

¹³ Там же.

¹⁴ Фрээрер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., изд. полит. литературы, 1983, с. 269.

¹⁵ Там же, с. 268.

пальцам, но он на это не обращал внимания...» (146). По пальцам течет жир, но в читательском восприятии ему ничто не мешает превратиться в кровь. В другом месте текста появляется и мотив крови (через ее цвет) и тоже в связи с поглощаемой Сталиным пищей: «Поддев ножом, он достал из солонки шматок аджики, переложил его к себе в тарелку и, густо обмазав пурпурной приправой кусок ягнятины, отправил его в рот, хрустнув молочным хрящом» (149). Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» отмечал связь еды со смертью и преисподней как существенную сторону пиршественных образов: «Слово "умереть" в числе прочих своих значений значило также и "быть поглощенным", "быть съеденным"¹⁶. Эти эпизоды именно в свете карнавала намекают на жертв Сталина, кровожадность которого известна всем присутствующим за столом.

Но тема преступления в произведении задана не только имплицитно. Искандер вводит в текст и открытое указание на преступное прошлое Сталина. В той части новеллы, где говорится об ограблении парохода и устраниении Джугашвили всех соучастников преступления, он является главным подозреваемым в многократном убийстве. В рассказываемой истории из воспоминаний Сандро, подростком встретившего Джугашвили на Нижней чегемской дороге, четырежды упоминается карабин, постоянно сползающий с покатога плеча Джугашвили. В качестве детали этот карабин как орудие преступления не менее красноречив, чем открытое указание на убийцу. Таким образом, прошлое и настоящее сливаются в одном образе преступника у власти.

Обе истории – о прошлых преступлениях Джугашвили и о застольном пиршестве вождя – объединяет мотив страха перед убийцей. Преступник Джугашвили всем своим видом внушил страх мальчику Сандро, когда его грозный взгляд оформился в сознании напуганного ребенка в «отчетливый шепот» убийцы: «Скажешь – вернусь и убью» (161). Но и теперь, в качестве правителя, Сталин держит в страхе своих приближенных. Искандеру мастерски удается передать это через поведение сталинского окружения за столом. Неуверенность и нерешительность, боязнь сказать лишнее и навлечь на себя гнев – общее чувство почти всех присутствующих. Вот одна из красноречивейших сцен:

« – Да здравствует товарищ Сталин! – неожиданно вскрикнул один из секретарей райкомов и вскочил на ноги.

Сталин быстро повернулся к нему с выражением грозного презрения, после чего этот высокий и грузный человек стал медленно оседать. Слово уверившись в надежности его оползания, Сталин отвел глаза» (148). Неосторожно сказанное слово, даже вполне безобидное, может дорого

¹⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Худ. лит., 1990, с. 332.

стоять произнесшему его. Это свидетельство искажения свободы застольного пира, в чем проявляется антинародный характер сталинского пиршества, противопоставленный модели веселого народного застолья, которое можно наблюдать в других местах книги. Страх, который лишает участников пира свободы действия и слова, полностью противоречит карнавальной пиршественной традиции, так как «застольное слово – шутливое и вольное слово; на него распространялись народно-праздничные права смеха и шутовства на свободу и откровенность»¹⁷. Из страха никто из присутствующих за столом не может себе их позволить.

Итак, в новелле на месте властителя оказывается преступник-убийца. В духе карнавальной традиции это предопределяло последующее событие – казнь «временного правителя», которая должна была иметь место по окончании пиршества. В связи с этим можно обратить внимание и на упоминание заговора и цареубийства в новелле: вот дядя Сандро показывает содержимое своего чемодана милиционеру: «Когда дело дошло до пояса с кинжалом, дядя Сандро, улыбаясь, слегка выдвинул его из ножен, как бы отдаленно намекая на полную его непригодность в цареубийственном смысле, даже если бы такая безумная идея и возникла бы в какой-нибудь безумной голове» (139); или позже, когда ансамбль готовится к выходу: «Бесшумными шагами дворцовых заговорщиков они пошли по коридору и стали входить в комнату, в дверях которой стоял штатский человек» (140). О постоянно ожидаемой угрозе «цареубийства» говорят и все принятые меры безопасности в санатории в Гаграх, где проходит застолье.

История распорядилась так, что преступник становится правителем и, уже вопреки карнавалу, остается у власти. В этом смысле и можно говорить о «застывшем советском карнавале». Но Искандер своей новеллой благодаря заложенной в ней карнавальной схеме возвращает ему утраченную в истории амбивалентность и имплицитно вводит в свое произведение акт развенчания. Слова, в которых содержалась аллюзия на библейский пир Валтасара из книги пророка Даниила, приобретают новое значение с учетом намека в них на убийство: «Сам факт, что он умер своей смертью, если, конечно, он умер своей смертью, меня лично наталкивает на религиозную мысль, что бог затребовал папку с его делами к себе, чтобы самому судить его высшим судом и самому казнить его высшей казнью» (163). Таким образом, казнь преступника, временного карнавального правителя, не аннулирована – она лишь отложена. Но приводит это к величайшей трагедии для народа, что также закономерно в контексте обрядов замещения царя-жреца – несостоявшаяся вовремя по законам обряда казнь несет народу бедствия и несчастья.

¹⁷ Там же, с. 314.

Подытожим сказанное. Название новеллы «Пир Валтасара» позволило вскрыть интертекстуальные связи с библейской книгой пророка Даниила. На уровне ее 5-ой главы застолье и смерть Сталина были соотнесены с нечестивым пиром Валтасара, характеризовавшимся возвышением земной власти над божественной и приведшим в результате к расплате правителя перед лицом Бога. Сама же книга пророка Даниила через свое содержание в целом (с выходом за пределы 5-ой главы) вывела нас на параллель образа Сталина с личностью Навуходоносора. В результате через название Искандер имплицитно включил в новеллу также тему репрессий правителя-тирана, репрезентируемую на уровне текста новеллы лишь в отдельных деталях. Рассмотрение же мотива пира с выходом за пределы его замкнутых границ (уже вне контекста библейской книги) на более широкий уровень карнавальная традиция позволило вскрыть в новелле ее главный смысловой концентр – развенчание по законам карнавала правителя-преступника через неминуемую казнь, в данном случае имеющую смысл наказания за содеянные преступления («бог затребовал папку с его делами к себе, чтобы самому судить его высшим судом и самому казнить его высшей казнью»). В результате нарушенным традициям карнавального пиршества за столом во главе со Сталиным противопоставлено возвращение Искандером карнавалу его ключевой амбивалентности: увенчание мнимого правителя сопровождается его обязательным развенчанием. Таким образом, народный карнавал в «Пирах Валтасара», как и во всей книге в целом, берет верх над «застывшим советским карнавалом», «карнавалом театрализованной сталинской бюрократии».

Ключевые слова: «Пир Валтасара», Книга пророка Даниила, Сталин, преступник, интертекстуальные связи, карнавал, временный правитель

ՄԱՐԻԱՆԱ ՄԿՐՏՅԱՆ – Ֆ. Իսկանդերի «Բաղդասարի կոչունքը» վիպակը միջտեքստային կապերի համատեքստում – Հոդվածում հետազոտվում է Ֆ. Իսկանդերի վիպակը միջտեքստային կապերի բացահայտման տեսակետից: Բացի Աստվածաշնչի Դանիել մարգարեի գրքի հետ տեքստային զուգահեռներից՝ վիպակի բովանդակությունը դիտարկվում է կառնավալային ավանդույթների համատեքստում, ինչպես այն նկարագրված է Ջ. Ֆրեդերի «Ոսկե ճյուղը» աշխատությունում: Մի կողմից Ստալին բռնակալի կերպարը համեմատվում է Բաբելոնի թագավոր Նաբոգոդոնոսորի հետ, մյուս կողմից՝ հաստատվում է նրա նմանությունը կառնավալի ժամանակավոր կառավարիչի հետ, որի դերում կարող էր հանդես գալ մահապատժի դատապարտված հանցագործ, որի իրականացումը, համաձայն ծեսի, անխուսափելի էր: Նկարագրելով ստալինյան կոչունքը՝ Իսկանդերը ցույց է տալիս շեղումները ժողովրդական կառնավալի ավանդույթներից՝ այնուամենայնիվ պահպանելով վիպակում նրա կարևորագույն ամբիվալենտությունը:

Բանալի բառեր – «Բաղդասարի կոչումը», Դանիել մարգարեի գիրք, Ստալին, հանցագործ, միջտեքստային կապեր, կառնավալ, ժամանակավոր կառավարիչ

MARIANNA MKRTCHYAN – F. Iskander’s Story “Belshazzar’s Feasts” in the Context of Intertextual Connections. – The purpose of this paper is to examine the intertextual connections between F.Iskander’s story “Belshazzar’s Feasts” and the Book of Daniel. The content of the story is analysed in the context of the carnival tradition too. On the one hand, Stalin’s character as a tyrant is compared with Nebuchadnezzar, king of Babylon. On the other hand, Stalin’s figure is examined as the temporary king of carnival, whose part could be performed by a criminal condemned to death and whose execution is predetermined by the ritual. In Iskander’s story Stalin’s death is a sign of punishment for the crimes committed by him. The author’s description of Stalin’s banquet demonstrates the aberration of the folk carnival tradition, at the same time keeping the essential ambivalence of the carnival unchanged.

Key words: “Belshazzar’s Feasts”, Book of Daniel, Stalin, criminal, intertextual connections, carnival, provisional governer